

«ДНЕВНИК СЕМИНАРИСТА» И. С. НИКИТИНА: ПОЭТИКА ЗАГЛАВИЯ

Л. Э. Заварзина

Воронежский государственный педагогический университет

Поступила в редакцию 12 декабря 2024 г.

Аннотация: в статье охарактеризованы структурные, семантические, функциональные и прагматические особенности заглавия повести И. С. Никитина «Дневник семинариста». Проанализированы свойственные данному заголовку функции. Отмечено современное, критически обусловленное, звучание произведения, созданного в канун эпохи Великих реформ. Подчеркнуто соответствие названия произведения его содержанию до и после прочтения.

Ключевые слова: заглавие, текст, И. С. Никитин, «Дневник семинариста», эпоха Великих реформ, духовное образование, функция, интеграция.

Abstract: the article describes the structural, semantic, functional and pragmatic features of the title of I. S. Nikitin's story "The Seminarian's Diary". The functions inherent in this title are analyzed. The modern, critically conditioned sound of the work created on the eve of the era of the Great Reforms is noted. The correspondence of the title of the work to its content before and after reading is emphasized.

Keywords: title, text, I. S. Nikitin, "The Seminarian's Diary", the era of the Great Reforms, spiritual education, function, integration.

Перу И. С. Никитина (1824–1861) принадлежит единственное прозаическое произведение — повесть «Дневник семинариста». Оно создавалось в переломный период российской истории — в эпоху Великих реформ и было опубликовано в сборнике «Воронежская беседа на 1861 год» / изд. М. Де-Пуле и П. Глотова. — С.-Петербург: тип. Гогенфельдена и К°, 1861. — 274 с., вызвавшее большой общественный резонанс.

Поражение в Крымской войне (1853–1856) вызвало в российском обществе мощную волну возбуждения. Зарождавшееся общественное мнение, к развитию которого послужило закрытие Высшего цензурного комитета (03.12.1855), отчасти предоставившего долгожданную, хотя так и не объявленную, свободу слова, обсуждало различные причины военной трагедии, постигшей Россию. М. П. Погодин (1800–1875), идеолог николаевского самодержавия, в «Историко-политических письмах и записках в продолжении Крымской войны», в частности, писал: «Сердце обливается кровью, когда подумаешь, в каком глубоком, бесчувственном невежестве мы погрязаем, несмотря на некоторый наружный лоск и даже блеск» [1, 259].

Литераторы, воспользовавшиеся ослаблением цензуры и даже поощрением умеренной критики, стремились заинтересовать читателей критической направленностью своих произведений. В центре внимания И. С. Никитина оказались проблемы духовного образования, указать на которые общественности решил автор затем, чтобы в будущем значительно улучшить подготовку священнослужителей. Об этой

главной цели своей повести он не раз писал друзьям. Так, в письме И. И. Брюханову (17 янв. 1861) И. С. Никитин делился своим замыслом: «Если пропустит цензура написанный мною «Дневник семинариста», вопрос о семинарском воспитании, кажется, подвигнется вперед» [2, 285]. Другому адресату он, в сущности, продублировал цель, которую ставил перед собой, работая над повестью: «...я написал «Дневник семинариста», и если только цензура пропустит его целиком, <...> вопрос о воспитании в духовных учебных заведениях едва ли не будет затронут...» [2, 286].

И. С. Никитин учился в Воронежской духовной семинарии, но, к сожалению, по настоянию отца, ее не окончил. Зная ее, по собственному признанию, «вдоль и поперек», автор надеялся, что «некоторый свет, брошенный в эту бурсу, наверное, принес бы свою пользу...» [2, 84]. Духовное образование необходимо было реформировать, поскольку духовенство в царской (императорской) России играло весьма заметную роль. От образования священников непосредственно зависело воспитание прихожан, в первую очередь многомиллионной крестьянской паствы. Это хорошо понимали иерархи русской православной церкви вообще и в частности московский митрополит Платон (1737–1812), по мнению которого, воспитание не состоит «в нежностях телесных, в увеселениях чувственных, в обучении, которые только своею наружностью поражают обыкли». А состоит оно в том, чтобы «взойти познанием в самого себя, познать Создателя своего; познать конец создания своего» [3, 71].

Благодаря работам С. Д. Кржижановского, Н. А. Веселовой, Н. А. Николиной, Е. В. Джанжаковой и др. ис-

следователей в области изучения поэтики заглавий наблюдаются значительные достижения [4–7]. Характерные для заглавия художественного произведения структурные, семантические, функциональные и прагматические особенности нашли свое отражение в заголовке повести И. С. Никитина. Практически все выделяемые исследователями функции заголовка реализованы в названии данного произведения.

Название повести по структуре представляет собой словосочетание, где главное слово *дневник*; в нем — ключевое значение анализируемого заголовка и соответственно всей повести. Произведение И. С. Никитина целиком написано в форме дневника литературного героя, этим оно отличается от тех сочинений, в художественную ткань которых авторы, в соответствии с поставленными задачами, включают дневниковые фрагменты персонажей, например журнал Печорина в «Герое нашего времени» М. Ю. Лермонтова. Существует также третий тип дневниковых текстов — дневники конкретных исторических персоналий: писателей, композиторов, ученых и т.п. И. С. Никитин использовал жанр дневниковой прозы потому, что глазами семинариста стремился объективно охарактеризовать образовательный процесс, совершавшийся в духовном учебном заведении, не предвзято представить картину взаимоотношений педагогов и воспитанников, педагогов, воспитанников и администрации, беспристрастно обрисовать типы учащихся и учащихся. Автор дневника, как правило, является человек наблюдательный, думающий, для которого важна как фиксация событий внешней жизни, так и осознание тайных пружин собственных поступков, отношений с другими людьми. Для него, согласимся с С. С. Николаичевой, дневник становится «не только формой внутреннего диалога, но и отражением души его автора и эпохи, в которой он создается» [8]. Отличительными же чертами образованных людей 30–70-х гг. XIX в. являлись критически-аналитический ум, философствующий дух, многопроблемные, с оттенком скепсиса, размышления, глубокая рефлексия.

Важно обратить внимание на зависимое слово, входящее в состав заглавия. Семинарист — воспитанник закрытого учебного заведения, характеризующегося суровой дисциплиной, жесткими мерами наказания, порой телесными, объемным учебным планом, усвоение которого невозможно без наличия у учащихся сильной воли и твердого характера. Завершить обучение в семинарии воспитанникам помогала физическая и психологическая закалка, полученная в духовном училище, где антигуманный характер отношений между учащими и учащимися считался практически нормой. Словосочетание *дневник семинариста* не относится к частотным, типичным. Но оно и не является оксюмороном, однако его определенная семантическая противопоставленность, противоречивость способна привлечь

внимание, а может быть, и удивить читателя. Заглавие, таким образом, привлечшее внимание читателя, начинает, говоря словами С. Д. Кржижановского, «постепенно, лист за листом», раскрываться в книгу: «книга и есть — развернутое до конца заглавие, заглавие же — стянутая до объема двух-трех слов книга. Или: заглавие — книга in restricto, книга — in extensor» [4, 3]. Название повести, данное И. С. Никитиным, на наш взгляд, адекватно отражает ее содержание; другие же заголовки, например такие, как «Дневник ученика», «Дневник Белозерского», не передают сущность (смысл) произведения. Автор оказался прав также в том, что зависимое слово не снабжено никакими определениями, скажем, «Дневник воронежского семинариста» или «Дневник воспитанника воронежской семинарии». Определение лишило бы повесть обобщения, подсознательно заставляя читателя думать о том, что изображенные в ней порядки характерны не для всех, а лишь для отдельно взятой семинарии.

С. Д. Кржижановский также справедливо отмечал, что из понятия *заглавие* только искусственно можно исключить имя автора. Он полагал, что «писательское имя, по мере забирая им известности, превращается из собственного в нарицательное, тем самым участвуя в нарицании, т.е. назывании книги» [4, 4]. Именно так произошло с «Дневником семинариста» И. С. Никитина. Читатели, видя первое издание повести, невольно задавались вопросом *Тот ли это Никитин, с которым мы знакомы как с поэтом?* Они, испытывавшие к Никитину-поэту любовь и уважение, интуитивно почувствовали симпатию и к Никитину-прозаику, еще даже не прочитав произведение. По мнению С. Д. Кржижановского, важны также пометы о годе и месте издания, они часто «как бы врастают в заглавие, делаясь неотделимыми от него» [4, 4]. К повести И. С. Никитина это существенное замечание ученого имеет прямое отношение, что подчеркивалось в начале данной статьи.

Книга должна рассчитывать «на емкость своего заголовка», поскольку путь ее от первоначального чтения до попадания в историю культуры вообще и литературы в частности сужается до одного лишь названия.

Таким образом, наличие заглавия у повести И. С. Никитина свидетельствует о реализации номинативной функции — текст обозначен именно так. Оно не лишено и другой универсальной функции — информативной, ибо всякое название извещает читателя о тексте. Есть заглавие — есть и текст. Правда, в «Рассказах о книгах» известнейший библиофил Н. П. Смирнов-Сокольский одну из глав посвятил «Книге без названия» [9, 43–48]. Заглавие повести выполняет и разделительную функцию, выделяющую текст из окружающего пространства и воплощающую посредством графических средств. Издатели, поместив «Дневник семинариста» в «Воро-

нежскую беседу», где художественные произведения (А. Кольцова, И. Никитина, А. Суворина) соседствовали с этнографическим и краеведческим материалом, в частности Н. Второва, литературно-критической статьёй Ф. Де-Пуле и другими сочинениями, выделяли текст повести из окружающего пространства, отделив название соответствующими графическими средствами — шрифтом. Характерна для анализируемого заглавия и экспрессивно-апеллятивная функция, способствующая выявлению авторской позиции и психологически готовящая читателя к восприятию текста. Данному заглавию присуща и рекламная функция, приобретающая самостоятельность по мере издания повести отдельной книгой. Многозначность заглавия реализуется в совокупности функций, способных «работать» на главную цель — устанавливать контакт с читателем, вызывать у него подлинный интерес к произведению, оказывать на него эмоциональное воздействие. Достичь данную цель без прочтения всего произведения невозможно. Ознакомившись с «Дневником», читатель убедится в точности предложенного автором заглавия.

В поле зрения Василия Белозерского, автора дневника, — различные аспекты его жизни как в городе (обучение в семинарии), так и в селе (в родительском доме). Характеризуя личности педагогов, Белозерский, конечно, большее внимание уделил образу Федора Федоровича, поскольку в его доме юноша снимал комнату и столовался. Это обстоятельство позволило семинаристу наблюдать частную жизнь преподавателя, покой которой периодически нарушали «благодарители»: из мозолистой руки одного, к примеру, «выглядывает на божий свет тщательно сложенная бумажка», другой желает угостить *учителя* парой деревенских гусей. Захаживали в дом профессора и коллеги, устаивавшиеся разного приема. Хозяин был любезен с теми, кто близок начальству, обеспечен, зато холоден и даже груб бывал с теми, кто оказался в трудной ситуации. Материальное оказывалось выше духовного. Белозерский дал примеры преподавательского «мастерства» учащихся, нарисовал яркие картины их отношений с учащимися, основанных на превосходстве наставников над воспитанниками, унижении их человеческого достоинства, оскорблениях, а иногда и агрессии.

Разнообразны и типы учащихся. Тихие, забытые сыновья бедных пономарей и дьячков, как правило, живут в общежитии на казенный кошт: в их спальне раздолье крысам и клопам, посещение столовой тоже требует привычки: из нее доносится не ароматный запах свежеприготовленной пищи, а невыносимая вонь, распространяющаяся на все здание бурсы. Хитрые, лицемерные, изворотливые дети богатых отцов живут на съемных квартирах, приучаясь всего достигать не трудом, а подхалимством, угодничеством, необоснованным превосходством над товарищами. Настоящими личностями, целеу-

стремленными, трудолюбивыми, доброжелательными, выступающими за честность и справедливость в отношениях между людьми, живущими богатой внутренней жизнью, предстают перед читателем два друга: Белозерский и Яблочкин. Для Белозерского, сына сельского священника, отец которого не приветствует желание юноши учиться в университете, «сан священника — великое дело»: его служение — в оказании помощи страждущим. Представляя свое будущее, он полагал, что слово евангельской истины, произнесенное им, ободрит несчастных, бесчестно оскорбленных, задавленных нуждой. Для детей прихожан обоего пола священник устроил бы школу, где учил бы не только грамоте, но и читал и объяснял святое Евангелие. Он уверен, что при таком воспитании дети вырастают разумными отцами и добрыми матерями. Такими священниками могут стать лишь люди с железной волей, светлой головой, духовно богатые, способные противостоять жестокости жизни. Тем же, кому «придется зарабатывать себе насущный кусок хлеба своими руками» (таковы же практически все сельские священники), придется проститься с юношескими идеалами. Яблочкин — сирота, он талантлив, начитан, имеет собственное мнение, мечтает поступить в университет, надеясь быть полезным на светской службе. Но жестокая болезнь обрывает юную жизнь, оставляя мечты и надежды невоплощенными. Об образах Белозерского и Яблочкина подробно см. в статье [10].

Читатель, ознакомившись с повестью, убедится в соответствии заглавия ее содержанию. Произведение, представляющее частный дневник юноши-семинариста, имеет мощное социальное звучание. В нем дана объективная картина отечественного духовного образования в 40-е годы XIX века с точным указанием насущных проблем, требующих скорейшего решения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Погодин М. П. Историко-политические письма и записки в продолжении Крымской войны. 1853–1856 / М. П. Погодин. — М.: типогр. В. М. Фриш, 1874. — 383 с.
2. Никитин И. С. Сочинения / И. С. Никитин. — М.: Гос. изд-во худ. лит-ры, 1955. — 342 с.
3. Демков М. И. Русская педагогика в главнейших ее представителях. Опыт историко-педагогической хрестоматии / М. И. Демков. Изд. 2-е, испр. и сокр. — М.: изд-во К. И. Тихомирова, 1915. — VIII, 334 с.
4. Кржижановский С. Поэтика заглавий / С. Кржижановский. — М.: Коопер. изд-во писателей «Никитинские субботники», 1931. — 34 с.
5. Веселова Н. А. Заглавие литературно-художественного текста: онтология и поэтика / Н. А. Веселова. Автореферат дис. ... канд. филол. наук. — Тверь, 1998. — 24 с.
6. Николина Н. А. Филологический анализ текста: учебное пособие для студ. вузов / Н. А. Николина. 2-е изд., испр. и доп. — М.: Академия, 2007.

7. Джанжакова Е. В. О поэтике заглавий / Е. В. Джанжакова // Лингвистика и поэтика. — М.: Наука, 1979. — С. 207–214.

8. Николаичева С. С. «Дневниковый фрагмент» в структуре художественного произведения (на материале русской литературы 30–70-х гг. XIX в.) / С. С. Николаичева. Автореферат дис. ... канд. филол. наук. — Нижний Новгород, 2014. — 21 с.

9. Смирнов-Сокольский Н. П. Рассказы о книгах / Н. П. Смирнов-Сокольский. — М.: Книга, 1978. — 448 с.

10. Заварзина Л. Э. К вопросу о прототипе Яблочкина в «Дневнике семинариста» И. С. Никитина / Л. Э. Заварзина // Материалы по русско-славянскому языкознанию: междунар. сб. науч. тр. / науч. ред. Г. Ф. Ковалев. — Воронеж: ВГУ, 2007. — Вып. 28. — С. 77–92.

Воронежский государственный педагогический университет

Заварзина Л. Э., кандидат педагогических наук, доцент
E-mail: lyubovzavarzina@mai.ru

Voronezh State Pedagogical University

Zavarzina L. E., candidate of pedagogical sciences, associate professor

E-mail: lyubovzavarzina@mai.ru